

ГЕРЦЕН, Ч.-Г. ЛИЛЕНД И “СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ БУДУЩЕГО”

Статья и публикация В. Эджертонна (Блумингтон, США)^{13*}

Имя американского литератора-публициста Чарлза-Годфри Лиленда (1824–1903) появилось в научной литературе о Герцене лишь в 1973 г., когда швейцарским ученым С. Стеллинг-Мишо было опубликовано два письма Лиленда к Герцену из Филадельфии – от 22 июня и 13 ноября 1858 г.¹, и установлено, что именно к Лиленду обращено то письмо Герцена (от июля 1858 г.), адресатом которого Л.Я. Гинзбург предположительно назвала в 1953 г. Г.-Ч. Кэри². Позднее, в 1962 г., письмо это было введено в 30-томное собрание сочинений Герцена как адресованное “неустановленному лицу” (см. XXVI, 196). В 1976 г. появилась статья В.А. Черных, подвергшего анализу публикацию Стеллинг-Мишо. Он исправил некоторые его ошибки и дополнил комментарии новыми данными³. В 1983 г. Стеллинг-Мишо, по просьбе редакции “Литературного наследства”, переработал свою статью. Русский перевод ее напечатан в т. 96 этого издания⁴.

Наши представления о Лиленде и его взглядах на Россию до сих пор ограничивались тем, что содержалось в названных выше публикациях, и только теперь принятые нами планомерные поиски статей, опубликованных Лилендом в филадельфийской вечерней газете “Philadelphia Daily Evening Bulletin” (он был помощником главного редактора этого издания с мая 1855 г. по сентябрь 1859 г.), увенчались успехом. Нам удалось выявить более пятидесяти статей, полностью или частично посвященных России и русским делам. Эти статьи значительно расширяют прежние представления о взаимоотношениях Герцена и Лиленда и заполняют некоторые пробелы в публикациях Стеллинг-Мишо и Черных. Мы публикуем здесь три из этих статей, в которых больше всего говорится о Герцене^{14*}.

Чарлз-Годфри Лиленд был человеком разносторонне одаренным, с широким культурным кругозором⁵. По окончании нью-джерсийского колледжа (теперь это Принстонский университет), он провел три года в Европе – в Гейдельберге и Мюнхене, продолжая свое образование. Перебравшись в Париж, Лиленд принял некоторое участие в революции 1848 г. На родину, в Филадельфию, он возвратился, свободно владея французским и немецким языками и приобретя навыки литературного труда. В последующие полвека он создал более пятидесяти книг, поразительных по разнообразию тематики – от цикла шуточных стихотворений “Баллады Ганса Брейтмана”, написанных в макаронической манере – смесью английского и немецкого, до серьезных исследований по цыганской культуре и цыганскому языку, на котором он выучился говорить свободно.

О Герцене Лиленд, по-видимому, впервые узнал от его издателя Н. Трюбнера, который в 1855 г. приезжал в США, чтоб установить сношения с американскими издателями и писателями. Знакомство Лиленда и Трюбнера перешло в дружбу. Трюбнер издал в Европе, по меньшей мере, восемь книг Лиленда. Как указала биограф Лиленда Пеннел, переписка их составила бы целую книгу⁶.

Первое письмо Лиленда к Герцену от 22 июня 1858 г., опубликованное Стеллинг-Мишо, начинается словами: “Любезный сэр, с большим удовольствием узнал я от г. Трюбнера, что вы с одобрением отнеслись к моей статье о вашей последней брошюре”. В своей женевской публикации Стеллинг-Мишо высказал предположение, что здесь имелась в виду статья, посвященная брошюре Герцена “La conspiration russe de 1825”. Но упомянутый исследователь Герцена Черных указал на ошибоч-

^{13*} Статью В. Эджертонна и статьи Лиленда перевела с английского М.И. П е р е р.

^{14*} Вот перечень остальных статей, в которых упоминается в той или иной связи Герцен: “Herzen on France and Russia” (“Philadelphia Daily Evening Bulletin”; опубликована в русском переводе в “Лит. наследстве”, т. 96, с. 676–678); “More Folly” (там же, 1858, 4.X); “The Real Point of View” (там же, 1858, 27.X); “Literary Intelligence” (там же, 4, XII).

ность такого утверждения. В действительности, речь шла в письме о большой анонимной рецензии Лиленда на другую брошюру Герцена, а именно на "La France ou l'Angleterre?", опубликованной американским журналистом в газете "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 23 апреля 1858 г. под заглавием "Herzen on France and Russia". Далее Лиленд писал Герцену: "Надеюсь, что и другая статья о вас в той же газете также сможет заслужить ваше столь высоко ценимое мною одобрение".

Что же это за "другая статья"? Ни Стеллинг-Мишо, ни Черных не разъяснили этого. Обращение к ответному письму Герцена Лиленду (XXVI, 196) и к комплекту "Philadelphia Daily Evening Bulletin" позволяет ответить на этот вопрос. 21 июня 1858 г., т.е. за день до того как Лиленд сел писать Герцену, в "Philadelphia Daily Evening Bulletin" появилась его статья "Alexander Herzen" (статья публикуется здесь в русском переводе). Довольный и даже гордый тем, что Герцен "с одобрением" отнесся к его статье "Herzen on France and Russia", Лиленд, очевидно, выслал ему свою статью "Александр Герцен" тотчас же после опубликования.

Однако в письме Герцена, о котором идет речь, русский автор благодарит Лиленда за "обе" его статьи. Значит, Лиленд послал ему не только статью "Александр Герцен", но еще какую-то, написанную ранее. Чтобы попытаться определить, что это за вторая статья, обратимся к началу письма Герцена. "Много лет назад (...), – читаем мы здесь, – я указывал (...) что Россия и Америка сходятся затылками, и осмелился утверждать, что Тихий океан – Средиземное море будущего. Надо мной смеялись – все это казалось слишком парадоксальным. Ваше письмо и обе ваши статьи служат для меня доказательством того, что у вас по ту сторону Атлантического океана иначе расценивают положение вещей" (XXVI, 196–197). Эти слова позволяют с достаточной уверенностью назвать вторую статью Лиленда, приложенную к его первому письму Герцену. Это была статья "Great Prowling Russia" ("Великая растущая Россия"), напечатанная в газете "Philadelphia Daily Evening Bulletin" 27 ноября 1857 г. Главная мысль этой статьи поразительно совпадает с цитированными выше словами из письма Герцена: "В Сибири развиваются муниципальные учреждения, а по прославленной реке Амур регулярно ходят пароходы, построенные в Америке. В городе на берегу реки строятся гостиницы и кафе. Всё свидетельствует, что правительство намерено не жалеть трудов, чтобы превратить его в антитезу города Сан-Франциско (...) Все в трудах, все заняты, все стремятся создать новую богатую торговую страну на основе мануфактуры и коммерции. Каково будет лет через двадцать положение и взаимоотношения западного берега Соединенных Штатов и восточного берега России? Есть что-то поразительное в самой мысли о двух таких громадных молодых и растущих государствах, как Америка и Россия, на своих новых землях повернувшихся лицом друг к другу через самый большой в мире океан".

Лиленд поместил в своей газете три статьи, относящихся к проблеме общих интересов России и Америки на Дальнем Востоке. Это "Великая растущая Россия" – в номере от 17 ноября 1857 г., "Китай и Россия" – в номере от 6 апреля 1858 г. и "Еще об Амурском крае" – в номере от 3 июня 1858 г. Вероятно, Герцену могла быть послана последняя из этих статей: в ней обстоятельнее, чем в двух других, разрабатываются темы, интересовавшие Герцена, и она была одним из последних выступлений американского публициста на эти темы. Лиленд вряд ли стал бы посылать старую статью.

В своем втором письме к Герцену от 13 ноября 1858 г. Лиленд выразил сожаление, что "разнообразные занятия и постоянный деловой водоворот" не позволили ему аккуратно высылать Герцену экземпляры всех своих статей. По поводу прилагаемого извлечения из "влиятельной на Западе немецкой газеты" Лиленд сообщает: "Я уверен, что мой ответ на это будет прочтен еще несколькими тысячами читателей, именно тех читателей, на которых вам хотелось бы оказывать влияние".

Ссылаясь на данные, полученные от Р. Брубакера, заведующего библиотекой Чикагского Исторического общества, Стеллинг-Мишо безоговорочно утверждал, что речь здесь шла о выходившей в Чикаго на немецком языке газете "Illinois Staats-Zeitung", все комплекты которой за 1850-е годы погибли при большом чикагском по-

жаре 1871 г. Из обнаруженных ныне статей Лиленда в “Philadelphia Daily Evening Bulletin” выясняется, что и Брубакер и Стеллинг-Мишо ошибались: за семнадцать дней до цитируемого письма к Герцену Лиленд опубликовал статью, озаглавленную “Истинная точка зрения”, в которой критиковалась не чикагская “Illinois Staats-Zeitung”, а другая немецкоязычная газета, выходившая в городке Сент-Луисе, — “Anzeiger des Westens”, или, как Лиленд называет ее по-английски, “Western Advertiser”. Лиленд продолжает здесь увлеченно призывать Россию и Америку к сотрудничеству в освоении бассейна реки Амур.

В том же письме Лиленд выразил Герцену свою благодарность за перевод и публикацию его памятной записки об Амурском крае, а также редакционной статьи. Упомянутая “записка” — это обращение Лиленда к директорам Общества колонизации берегов Амура (в Петербурге). Полный текст ее опубликован в статье Черных⁷. В своих воспоминаниях Лиленд пишет об этом документе так:

«Я (...) переписывался с русским — Искандером, или Александром Герценом, который на целый век опередил свое время. Он был истинным вдохновителем уничтожения крепостного права в России, как это еще покажет история. Я написал когда-то большую статью, в которой советовал русскому правительству открыть для иностранцев золотые рудники Урала (...) Герцен перевел статью на русский язык (я располагаю одним экземпляром перевода), 20 000 экземпляров ее циркулировало по России. Царь прочел ее. Герцен писал мне: “Она будет отложена лет на сорок, а потом, быть может, правительство сделает из нее свои выводы”. Тихий океан станет Средиземным морем будущего»⁸.

Редакционная статья, упомянутая Лилендом во втором письме, опубликованном Стеллингом-Мишо (от 13 ноября 1858 г.), это, конечно, “Наш западный сосед”⁹. Она появилась в “Philadelphia Evening Daily Bulletin” 8 октября 1858 г. Несколько цитат из нее Герцен использовал в своей статье “Америка и Сибирь” (XIII, 398–401), впервые появившейся в л. 29 “Колоколе” от 1 декабря того же года. Эти факты позволяют предположить, что в последние месяцы 1858 г. Герцен и Лиленд обменялись несколькими письмами, не дошедшими до нас или пока еще не обнаруженными. В промежутке между 8 октября, когда в Филадельфии вышла статья “Наш западный сосед”, и 13 ноября, когда Лиленд поблагодарил Герцена за издание ее русского перевода, он, надо думать, послал Герцену непосредственно или через Трюбнера экземпляр своей статьи и получил извещение о том, как воспользовался ею Герцен (отсюда не следует, конечно, что Герцен опубликовал перевод статьи “Наш западный сосед”: он только процитировал некоторые места из нее в своей статье “Америка и Сибирь”).

Из этого письма Лиленда с благодарностью за перевод и публикацию “памятной записки об Амурском крае” следует, что между 12 августа и 13 ноября им было получено от Герцена сообщение о готовящейся публикации “записки”. Приведенная выше цитата из воспоминаний Лиленда с предсказанием Герцена, что “записку об Амурском крае” положат под сукно “лет на сорок”, скорей всего, относится именно к этому не известному нам письму Герцена.

Черных отмечает, что обнаружить сведения о распространении “записки” в России ему не удалось; не нашлось и документального подтверждения заявлению Лиленда, что 20 000 экземпляров ее попали в Россию и что сам царь читал ее. Черных приводит указание П.Н. Беркова из “Библиографического описания изданий Вольной русской типографии в Лондоне”¹⁰, что листок с “запиской” Лиленда был «приложен к № 11 “Объявлений о русских книгах”», которые, в свою очередь, являются приложением к л. 29 “Колокола” от 1 декабря 1858 г., но отмечает при этом, что Берков не сообщил, на основании каких данных им это установлено. Черных не принимает на веру и утверждение Лиленда, будто сам Герцен перевел его “записку”, поскольку известно, что Герцен с английского не переводил¹¹.

Два документа из архива Лиленда в Историческом обществе штата Пенсильвания позволяют уточнить дату “записки”. Во-первых, это дневниковая запись Лиленда от 12 августа 1858 г. о том, что в письме к Трюбнеру он порекомендовал ему дать

совет Амурской компании возбудить в печати “золотую лихорадку”, дабы привлечь калифорнийцев к освоению территорий по берегам Амура. Во-вторых, это письмо Трюбнера от 7 января 1859 г., в приписке к которому он говорит: “Прилагаю первую корректуру вашего письма на русском языке”. Приложенный корректурный листок описан в статье Черных (с указанием разночтений). Последний склонен согласиться с Берковым, что “записка” Лиленда «является приложением к 29-му листу “Колокола” от 1 декабря 1858 г.»¹². Однако письмо Трюбнера (с приложением гранки) написано было только 7 января 1859 г., т.е. через месяц с лишним после выхода л. 29 “Колокола”, а, следовательно, “записка” появилась еще позднее.

Восторженное одобрение Лилендом предсказания Герцена о тесном сотрудничестве Америки и России на Дальнем Востоке через “Средиземное море будущего” отражает причудливое смешение старомодного экспансионизма XIX в. и нового, прогрессивного интернационализма. На экспансионистское прошлое своих стран Герцен и Лиленд смотрели с поразительным единодушием. “Мы обсуждали судьбу Амурского края, – вспоминал Лиленд, – когда Россия незаметно, во время Крымской войны, присоединила его¹³, и заявляли, что в будущем там возникнет Антисанфранциско и нам надо радоваться тому, что Россия захватила этот край, поскольку его процветание станет нашим процветанием, а его спрос – нашим рынком”¹⁴. Герцен же в своей статье “Еще вариация на старую тему” писал: “Никакая сила не удержит североамериканцев, с их избытком сил, пластицизма, неутомимости, от присоединения Центральной Америки и Кубы. В то время как в Европе разваливается Венеция, нищает Рим, вьнут небольшие города Италии и Испании за недостатком капиталов и рук, за ленью и недостатком деятельности, – где-нибудь в Калифорнии, в Гондурасе и Никарагуе в несколько лет пустыни превращаются в поля, починки в города, степи исчерчиваются железными дорогами, капиталы избыточествуют и неутомная сила республики хватает все далее и далее (...) Если б я не был русский, я давным-давно уехал бы в Америку” (ХП, 427–428 и 433). Кажется, ни Лиленду ни Герцену не приходило на ум, что свои национальные стремления есть и у народов Центральной Америки, и у китайцев, и у японцев, и у других азиатских народов, превосходящих древностью своих культур обе молодые могучие страны.

Экономические воззрения Лиленда и Герцена были совершенно различными. Лиленд был глубоко убежден, что лучшим основанием для созидания благоденствующего и в то же время свободного общества является капитализм с развитой промышленностью, а Герцен столь же твердо был уверен, что достигнуть этого можно наилучшим образом через социализм. “Свобода, – утверждал Лиленд, – это естественный продукт промышленности и активно используемого капитала, люди начинают ценить ее (...) после того как приобрели *собственность*, о которой надо заботиться. Свобода следует за законностью, а законность подразделяется на права людей и права вещей, права же эти бывают более всего развиты у людей, имеющих промышленность или, хотя бы, частную собственность”¹⁵. По мнению же Герцена, “величайшая идея, развитая Северными Штатами, – чисто англосаксонская, идея самоуправления, т.е. сильного народа с слабым правительством, самодержавия каждого клочка земли без централизации, без бюрократии, с внутренним, нравственным единством. Как Америка будет относиться к социальным стремлениям – трудно сказать; дух товарищества, ассоциации, предприятий сообще чрезвычайно в ней развит; но ни общего владения, ни нашей артели, ни сельской общины нет; личность соединяется с другими только на известное дело, вне которого ревниво отстаивает полнейшую независимость” (ХП, 429).

Несмотря на различия в социально-экономических воззрениях между сторонником капитализма Лилендом и социалистом Герценом было немало общего в глубоком уважении обоих к гласности, к демократической свободе, защищенной законом, и к признанию взаимно благотворного сотрудничества Америки и России. Из публикуемых ниже трех статей Лиленда две – (“Александр Герцен”) и “Общинно-демократический принцип в России” – особенно красноречиво свидетельствуют о глубоком уважении их автора к издателю “Колокола”. Вторая из этих статей заслуживает вни-

мания еще и потому, с каким восхищением отзывается Лиленд о русских крестьянах, проводя параллель между крестьянской общиной, подробно охарактеризованной Герценом, и сходами жителей поселков и городков в аграрной Новой Англии, которыми осуществляется самоуправление американцев.

Положительное отношение Герцена к Америке особенно отчетливо выражено в его статье “Америка и Сибирь”, которая начинается большой цитатой из статьи Лиленда “Наш западный сосед”. По мнению Герцена, Америка и Россия «преизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью – не знающей препятствия, обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе распливаются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями – до берегов Тихого океана, этого “Средиземного моря будущего”» (XIII, 400). Особенное восхищение у Герцена вызывали в Америке “федеральная демократия, с самозаконностью каждого местечка, каждого избирателя” и “простое, жизненное, здоровое отношение американского ума к вопросам государственным и экономическим”, которое “совершенно соответствует понятию демократической республики” (там же, 400–401).

Эту свою статью Герцен завершил следующими оптимистическими утверждениями: “Имя Муравьева, Путятина и их сотоварищей внесено в историю, они вбили сваи для длинного моста... через целый океан. Во время мрачных европейских похорон, где каждый что-нибудь оплакивал, они с одной стороны, американцы – с другой сколачивали *колыбель*!” (XIII, 403). Надежды Герцена и Лиленда на расцвет экономических и культурных контактов между Восточной Сибирью и Западной Америкой еще не осуществились, но нельзя забывать, что в прошлое ушло лишь одно столетие с четвертью из того будущего обеих стран, которое они предрекали. Полное осуществление их мечты еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sven Stelling-Michaud. Correspondance de Herzen avec le publiciste américain Charles Godfrey Leland (ААН, 309–324).

² “Лит. наследство”, т. 61, с. 242–247.

³ В.А. Черных. А.И. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд (сб. “Проблемы истории общественной мысли и историографии”. М., 1976, с. 189–200).

⁴ С. Стеллинг-Мишо. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд (“Лит. наследство”, т. 96, с. 669–678).

⁵ Главных источников биографических сведений о Лиленде два: его воспоминания (Ch. G. Leland. Memoirs. N.Y., 1893; цит. в публикации Стеллинг-Мишо) и двухтомная работа о нем: Elisabeth Robins Pennell. Charles Godfrey Leland, v. I–II. Boston and N.Y., 1906.

⁶ См. Е.В. Реннел. Op. cit., v. II, p. 37. Превосходный анализ взаимоотношений Герцена и Трюбнера см. в исследовании Черных “Из истории вольной русской печати (А.И. Герцен и Н. Трюбнер. Первый период сотрудничества)” – сб. “Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.”. М., 1978, с. 61–77).

⁷ В.А. Черных. А.И. Герцен и американский публицист Ч.-Г. Лиленд. Цит. изд., с. 192–194.

⁸ Ch. G. Leland. Memoirs. Op. cit., p. 237.

⁹ Большие выдержки из статьи “Наш западный сосед” опубликованы (в русском переводе) в “Лит. наследство”, т. 96, с. 676.

¹⁰ П. Берков. Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, ч. II. М.-Л., 1935, с. 156–157.

¹¹ В.А. Черных. Цит. изд., с. 194–195.

¹² Там же.

¹³ Имеется в виду Айгунский договор между Россией и Китаем, подписанный в мае 1858 г. Им устанавливалась принадлежность России левого берега Амура от реки Айгунь и до устья. Колонизация Приамурья была начата по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Н.И. Муравьева (Муравьева-Амурского) в 1850-е годы.

¹⁴ Ch. G. Leland. The True State of the Case (“Philadelphia Daily Evening Bulletin”, 1858, 10.II).

¹⁵ Ch. G. Leland. The Real point of View (“Philadelphia Daily Evening Bulletin”, 1858, 27.X).

1

〈АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН〉¹

Тайные пружины истории, скрытые движущие силы великих событий выявляются редко, а жаль, ибо подобное разоблачение могло бы послужить для всех наиболее полезным уроком. Кем-то сказано, что никогда не написано было ни одной точной автобиографии, так как не являлся еще на земле человек, который решился бы рассказать всю правду о себе. Владыки земные – хоть из тщеславия – обычно имеют столь же сильные побудительные причины для сокрытия правды, как и обыкновенные люди. Мы полагаем, однако, что приоткрываем тайную пружину одного из значительнейших политических событий нашего времени, утверждая, что предпринятое императором Александром 〈II〉 освобождение русских крепостных должно быть в большой степени приписано непосредственному влиянию сочинений одного выдающегося человека, а именно ГЕРЦЕНА, более известного как *Искандер*, последнее произведение которого мы подробно разбирали на наших страницах². Герцен – один из тех глубоких мыслителей, которые постигли истинные тенденции века, один из тех универсальных умов, которые возвышаются над слабостями как консерваторов, так и либералов и с непоколебимой твердостью следуют своему идеалу истины.

Великое движение русских реформ имеет огромную важность для всего мира. Россия занимает одну шестую часть обитаемой поверхности земного шара и без малейших признаков разъединения своих земель и народов мало-помалу заполняет всю эту территорию новыми миллионами жителей. И в самом деле, поскольку она посвятила себя промышленному развитию, постоянному поощрению мануфактур и *протекционизму*, то, расширяясь, она непрерывно упрочивает и создает новые источники национального могущества и, что еще важнее, национального чувства. Россия сходна с Соединенными Штатами и ни с кем больше; она в положении растущего исполина, чьи умственные силы увеличиваются вместе с его мощью. Англия, Германия и Франция сами по себе весьма неплохи, но они не могут надеяться на приумножение сил, разве только удастся что-нибудь извлечь из чужеземных источников. А где же пределы Соединенных Штатов и России? Самодовольный Джон Булл и тщеславная Франция третируют и нашу и вашу страны как провинциалов, как *rague-pus*^{15*}, но заглянем в будущее: с каким трепетным страхом взирают они на двух исполинов, безмерно, беспрельдно громадных, между которыми им остается только в ужасе копошиться, всецело завися от них. А источником жизненной силы как одного, так и другого исполина является промышленное развитие, протяженность железных дорог и безграничные производительные силы.

Герцен – человек, который, по-видимому, постиг и растолковал всем мыслящим умам России тот великий факт, что сила страны – в развитии промышленности, а война, и слава, и мундиры – все это нелепости прошлого, лохмотья средневековья. Он издает в Лондоне газету на русском языке под названием “Колокол”, выпускаемую знаменитым Трюбнером, хорошо известным по его трудам об американской старине. Эта лондонская русская печать в последнее время приобрела важное значение, которое нельзя переоценить. Во всей России мыслящие люди теперь глубоко возбуждены, глядя вперед на исполненное мощи будущее, на великую партию прогресса, и Герцен тайно руководит ею, император же в какой-то мере содействует этому, явно отдавая себе отчет в том, что прогресс может лишь укрепить ограниченную или конституционную монархию, тогда как феодально-крепостническая система обречена на гибель промышленно-капиталистическим развитием.

Русские книги, выпускаемые Трюбнером, сочинения и газета Герцена в настоящее время получили *огромное* распространение в России: они являются злободневнейшими событиями настоящего времени и в самом деле чрезвычайно интересуют всех в этой стране. Мы узнали об этом от одного авторитетнейшего лица,

^{15*} выскочек (*франц.*).

ГЕРЦЕН

Фотография. Лондон, 1850-е годы

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

чей опыт и положение ручаются за непогрешимость его суждений. Оно заявило нам, что «Александр Герцен сделал для социального возрождения колоссальной Российской империи больше, чем кто-либо из еще живущих людей. Своим влиянием он, прежде всего, обязан “Колоколу”, который оказывает огромное воздействие на общественное мнение. Хотя открыто ввозить “Колокол” в пределы Империи запрещено, газета эта с присвоенным ею эпитафием “Vivos voco”, т.е. “Зову живых”, имеет широкое распространение. Копии ее статей пролагают себе путь через тысячи нетерпеливых рук, производятся в огромном числе и передаются из одной области в другую. По всем частям Российской империи рассеяны анонимные сотрудники “Колокола”, передающие свои корреспонденции в Лондон самыми таинственными путями. Чрезвычайно велико влияние Герцена на русских студентов, которые смотрят на него, как нам говорили, словно на “полубога”³. Влияние его таково, что он, по сути дела, собственной властью осуществляет в России свою, так сказать, тайную политику. Чиновники-лихоимцы нередко возвращают награбленное при одном лишь на-

меке на то, что “Колокол” выставит их продажность на всеобщее обозрение. Ведь звуки “Колокола” разносятся над всей Россией и проникают в недра императорского дворца. Как известно, царь жадно читает сочинения Герцена и в том, что вышло из-под могучего пера Искандера, он черпает самую решительную поддержку своему великому замыслу освобождения крепостных, за что в будущем будет прославлен как величайший из государей нашего столетия, как первый император, усвоивший дух прогресса и современности».

Не только особое положение Герцена, но и его полнейшая независимость получили отражение в письме, направленном им к саксонскому министру внутренних дел, в Дрезден, когда сей господин запретил распространение произведений Герцена у себя в стране:

«Господин министр,

Приказом 29 января вы запретили в Саксонии мои лондонские издания на русском языке. В приказе вашем вы говорите, что они содержат “клеветы на правительство и на самое лицо государя”.

Что вы, будучи саксонским министром, занимаетесь русской полицией – это естественное последствие того жалкого состояния, в котором находится теперь ваше отечество; но, усердно исполняя приказания, которые вам насылают из канцелярии Горчакова, вы ничего не потеряли бы, не повторяя ложных обвинений.

Я имею убеждения, которые, весьма вероятно, с вашими не сходны, я служу моей родине по-своему, восполняя сколько могу недостаток публичности в ней моими изданиями. Вы можете это находить преступным, но вы не имеете права – не вызвав с моей стороны ответа – публиковать, что я печатаю *клеветы*.

Чистота моих намерений очень хорошо известна в Петербурге – и на ней-то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть *одну* клевету, напечатанную в “Колоколе”, “Полярной звезде” или “Русских голосах”, – *хоть одну!*

Были ошибки – мы их тотчас указывали сами.

Сверх того – я никогда ничего не говорил против нынешнего императора; я жалел о том, что Александр II так скверно окружен; но ни разу не нападал на него. Конечно, не я стану хулить его в то время, как он освобождает крестьян. Его имя уже принадлежит истории – и совершенно иным образом, нежели имена его товарищей по трону.

Затем – не будучи злопамятным – я искренно желаю, чтоб вы получили Анну на шею, и прошу принять вперед мои поздравления с наступающим крестом.

А. Герцен

10 февраля 1858».

Из всего сказанного нами яствует, что Герцен – один из истинных героев нашего времени – гений, одаренный отвагой... и во многих отношениях заслуживающий симпатии со стороны всех тех, кто верит в свободу, промышленное развитие и социальный прогресс.

2

ОБЩИННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В РОССИИ

Из всех стран на земле ни одна столь резко не отличается от великого европейского сообщества и от Америки, как Китай. Простой и достаточно разумный в большинстве своих отличительных свойств, он совершенно непостижим в силу своего полнейшего несходства с нами.

На полдороге между Китаем и западным миром лежит другая страна, Россия, которая вполнину менее таинственна, чем Китай. В последнее время она стала гораздо открытей, и возможности узнать, чем она на самом деле отличается от нас, всё возрастают. Известно, что Россия до недавнего времени по своим социальным условиям напоминала средневековую Европу. Население ее разделялось на крепостных,

малочисленный средний класс и дворян. Когда провозглашено было предстоящее освобождение крепостных, все чрезвычайно обрадовались. Так как Россия быстро развивалась в области промышленности, достаточно ясно, что чем больше свободной рабочей силы будет вовлечено в это развитие, тем успешнее страна будет прогрессировать. Пока все обстоит неплохо.

Однако при этом, как правило, не учитывают, что русские крестьяне обладают некоторыми весьма необычными установлениями, изменить которые, кажется, ничто не может их заставить^{16*}. Талантливый Александр Герцен, который, вероятно, знает Россию во всех отношениях лучше, чем кто бы то ни было из наших современников, полагает, что эти установления сохранятся еще в течение ряда поколений. Если человек, видящий в развитии промышленности и работников для нее путь к счастливому будущему, заявляет, что сельская община столь глубоко укоренилась, что стала своего рода нормой жизни, то мы можем быть уверены, что это, действительно, важный фактор. И консерваторы, и красные социалисты всегда готовы объяснять устремления людей врожденными принципами; этот подход несвойственен таким мыслителям, как Герцен, которые истинный путь к решению великой проблемы социальной справедливости для всех видят в развитии личности и в труде.

Важнейшей особенностью социального устройства жизни русских крестьян является сельская община. Судя по трудам Герцена, которым мы обязаны этими сведениями, община эта существует в России с незапамятных времен, и схожие формы ее обнаружены у всех славянских племен. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община выступает как своего рода “нравственная личность”, она предписывает любой “закон”. Во всем, что касается ее внутренних дел, она ответственна за всех и за каждого и представляет собой единство, совершенно невероятное для американца, общественную единицу, единого всего, что относится к общественным и семейным делам {...}^{17*}

Как ни нежесток, нищ и угнетен русский крепостной крестьянин, в одном он не уступит ничего ни закону, ни помещику: он не поступится своими общинными правами и ничего не изменит в системе общины. Немало русских дворян, особенно в прибалтийских губерниях, пытались ввести западноевропейскую систему частной собственности. “Эти попытки, — поясняет Герцен, — обыкновенно заканчивались убийством помещиков и поджогом их замков”. Каков бывает русский крестьянин или на что способна человеческая натура, доведенная до безумной ярости, показало введение Александром военных поселений, когда царь приказал брать деревни приступом. Крестьяне убивали своих детей, чтобы избавить их от новых учреждений, самое свирепое угнетение самого сурового правительства в мире никак не может угнетать сельскую общину.

Стоит подумать о том, что с отменой крепостного права царским манифестом будет освобождено почти двадцать пять миллионов крестьян, которые сохраняют социализм русской сельской общины, представляющий собой удивительный объект для политико-экономического изучения. Вся Европа некогда находилась в схожих условиях. Законы Рима, затем феодальный строй уничтожили общину. Феодализм постепенно уступил место новому порядку вещей — личной свободе и соответствующему переустройству общества. Во время всех этих перемен Россия оставалась неизменной, и вот, оказывается, в XIX в. эта огромнейшая европейская империя все еще сохраняет такое установление как сельская община.

Лучшие авторитеты заявляют, что русские крестьяне проявляют исключительный здравый смысл и ум в устройстве дел своей общины. Этот факт обещает очень много в будущем. Это значит, что в практическом самоуправлении русские превосходят немцев и французов. Не так давно был у нас случай заметить, что истоки американской республики и присущее ей благоразумное управление могут быть прослежены на собраниях сельских коммун Новой Англии, где без лишних споров и с по-

^{16*} Речь идет о крестьянской общине. — В.Э.

^{17*} Далее цитируется и излагается статья Герцена “La Russie” (VI, 200–202).

разительным тактом решаются общие дела поселка. Мы слышали от людей, ничего не знающих о русских общинах, что именно *умение вести собрания городских жителей*, иначе говоря, муниципальное самоуправление, перенесенное в сельскую местность, отличает американца от всех на свете и помогло развитию у него демократического таланта. Это поймет всякий, кому доводилось наблюдать поразительную сметку, проявляемую в Соединенных Штатах при устройстве новых городов самым справедливым и толковым образом. Каким бы свехреспубликанизмом ни отличались правительственные лица и учреждения, подчиненное им население может оказаться в условиях самого ужасного социального деспотизма, если муниципальная законность не будет демократичной.

Мы полагаем, что существующее устройство народной сельской жизни в России дает ей надежды на будущее. Народ этой страны не утратил своих сил. Он еще не развит, но обладает замечательной энергией для дальнейшего роста своей демократии. Возможно, что образование и участие в промышленной деятельности страны станет залогом такого быстрого и целеустремленного прогресса, о котором и не догадываются те, кто смотрит сейчас на русский народ сверху вниз.

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ⁵

В нашем распоряжении давно уже находятся корректурные листы одного из замечательнейших политических документов, когда-либо издававшихся на каком-нибудь языке, — листы поистине увлекательной книги, которую будут читать пока сохранится интерес к историческим сочинениям. Мы имеем в виду тайную автобиографию российской императрицы Екатерины (II) — произведение, безусловно, подлинное и изобилующее, с начала до конца, самыми интимными подробностями и самыми доверительными личными признаниями, какие только можно себе вообразить⁶. “Исповедь” Руссо принято считать идеалом безграничной откровенности, но в этом отношении императрица его перещеголяла. Что же касается легкости изложения и того жизнеподобного стиля повествования, которое воссоздает перед нами мельчайшие подробности обстановки и характера, то весьма трудно было бы отыскать какую-нибудь биографию или роман, которые превзошли бы названные мемуары. Причина этого отчасти заключается в полной непринужденности, с которой книга написана, и, более того, в поразительной непосредственности восприятия и цепкой памяти императрицы, или, правильнее сказать, великой княгини, потому что записки эти относятся к тому времени, когда она была еще великой княгиней.

Подлинность этой автобиографии несомненна. В смертный час императрицы рукопись лежала на ее письменном столе, с которого ее переместили, вероятно, без особенно внимательного просмотра, в государственный архив, и там она много лет пролежала в неизвестности, вместе с другими документами. Извлекаем из бостонской газеты “Post” несколько замечаний о ней, позволив себе внести в них кое-какие поправки.

«Некто снял точную копию мемуаров распутной императрицы; копия эта передана была в руки некоего г. Герцена, русского миллионера, который несколько лет тому назад бежал под защиту Англии, предварительно вложив свое состояние в британские государственные бумаги, а теперь ведет неутомимую борьбу против русского деспотизма. Издаваемая им на русском языке газета тайно продается во многих тысячах экземпляров среди русских, рассеянных на территории Франции и Германии, а также среди русских в России. Этот г. Герцен, естественно, ухватился за эти мемуары как за новое орудие и новый предмет для своей пропаганды, фирма же Трюбнера и К°, субсидируемая золотом бывшего русского подданного, решила выпустить книгу на французском языке. Екатерина, как свойственно ее полу, делает ряд интимных разоблачений, и одно из них ужаснейшим образом затрагивает честь императорской фамилии. Она недвусмысленно заявляет, что ее супруг, царь, не являлся “тятенькой” ее детей. Это смелое признание Екатерины, разумеется, обидно для царя; но она на-

крепко “заклепывает” это признание, назвав имя подлинного отца наследника престола (Павла), а отсюда следует, что царствующая династия Романовых незаконна и неправомерно узурпирует трон. В России могут не обращать на это особенного внимания, даже если это и правда, а не мстительная *утка*, но немало других царствующих домов (Европы) вошло в родство с Романовыми, так что можно ожидать всеобщего возмущения “в высочайших кругах”, особенно в Германии, где родословные ценятся даже выше, чем понюшка табаку. Книга эта, несомненно, послужит одной из главнейших тем для зимнего суесловия; она может привести к официальным переговорам и требованию императора выдать Герцена, а также повесить, колесовать и четвертовать бесцеремонного Трюбнера и К^о».

Те, кто прочтет все вышесказанное, должны иметь в виду, что хотя Герцен – реформатор и враг политических злоупотреблений, он вовсе не является врагом русского правительства, насколько это касается нынешнего царя. Его взгляды прогрессивны, и они во всех отношениях идентичны взглядам Александра^{18*}, к которому он неизменно относится с глубочайшим уважением. Герцен выступил первым за освобождение крепостных на разумных и диктуемых промышленностью основаниях, ибо он понимает, что наступило время, когда промышленность настолько ушла вперед, что для дальнейшего капиталистического развития необходима свобода. Взгляды Герцена отличаются типично американским практицизмом и деловитостью; в самом деле, среди крупных, гениальных европейских писателей ни один, пожалуй, не понимает и не ценит Америку так, как Герцен, который ждет от нас столь многого и относится к нам с такой теплой верой. Многие понимают уже, что взгляды Герцена разделяются царем, проникшимся решимостью освободить крепостных под влиянием сочинений Герцена, в которых необходимость освобождения постоянно доказывается самым четким образом с политико-экономической точки зрения. Его теория очень ясна. Доходы и преуспевание государства возрастают соответственно с используемым в нем капиталом. Чем свободней рабочие, тем больше растут средства производства. Быть умственным руководителем, мыслящим философом, твердо, логически доказывающим необходимость освобождения двадцати миллионов человеческих существ, – разве это не титанический подвиг?

Как и все, кто отстаивает философию современного промышленного прогресса, Герцен придает исключительное значение истории, причем не столько ее объективной, внешней и малоподвижной государственной стороне, сколько ее внутренней жизни и социальным обличениям. Подобно Маколею, он ищет побудительные причины событий. *Такой* автор, пишущий о национальных реформах, настолько же отличается от старомодных ученых историков, насколько современные медики, изучающие анатомию в ее мельчайших подробностях, отличаются от живших до Везалия врачей, которым запрещалось рассекать человеческое тело. Вот почему Герцен переводит и тщательно издает произведения, подобные автобиографии Екатерины, так же как он выпускает пикантные и блистательные по своим достоинствам воспоминания княгини Дашковой⁷. Добросовестно излагает и разъясняет он самые важные моменты русской истории по исследованиям *внутренней, сокровенной стороны жизни* – иногда собственной, иногда чужой, как в данном случае. Нет теперь на свете человека, который бы так хорошо знал и понимал Россию в ее прошлом и настоящем, как он. Герцен полностью и чрезвычайно глубоко сроднился с нею; он знает, из чего она выросла, знает и старые тайны императорской фамилии, понимает испорченность дворянства, подлость чиновников, действительное значение и скрытые возможности развития крепостных. Его русская газета “Колокол”, печатающаяся в Лондоне, обладает поразительной силой воздействия – несравненно большей, нежели признает наш коллега из бостонской “Boston Post”. “Колокол” в России читают повсюду; это единственная независимая русская газета. Постоянно читают ее и император и министры. Читает ее в университетах вся “Молодая Россия” – все без исключения. Запретный плод всегда сладок!

^{18*} Имеется в виду Александр II. – *Ред.*

Автобиография Екатерины заслуживает внимания и по другим причинам, кроме упоминавшихся. В раскрытой перед нами главе мы видим личность веселую, отнюдь не злоумышленную, утомленную дворцовым этикетом, и женщину, измученную супругом, легкомыслие и неверность которого так велики, что это трудно себе вообразить. Мелкие домашние досады, отягчающие коронованную главу, показаны здесь с несколько забавной точностью, так что мы можем убедиться и в том, насколько сходны императрицы, великие княгини и князья по своим привычкам, чувствам, манерам с прочими прилично воспитанными дамами и господами и как мало стирается это сходство с церемониальными формальностями дворцового этикета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Статья “Александр Герцен” (“Alexander Herzen”) напечатана в “Philadelphia Daily Evening Bulletin” 21 июня 1858 г.

²Лиленд ссылается на свою статью “Герцен о России и Франции”, опубликованную в той же газете 23 апреля 1858 г. (см. ее русский перевод в “Лит. наследстве”, т. 96, с. 676–687).

³Источник этих двух цитат о Герцене неизвестен, но упоминание несколькими строками выше имени Трюбнера и утверждение, что сведения о Герцене получены от “авторитетнейшего лица”, позволяют мне с уверенностью предполагать, что этим лицом был Трюбнер и что эти данные извлечены из разговоров с ним или из его писем, а не из какого-нибудь печатного источника.

⁴Статья “Общинно-демократический принцип в России” напечатана в “Philadelphia Daily Evening Bulletin” 15 сентября 1858 г.

⁵Статья “Литературная новость” напечатана в той же газете 4 декабря 1858 г.

⁶“Записки Екатерины II” (“Mémoires de l' Impératrice Catherine II, écrits par elle même (...) 1744–1758”) были выпущены Н. Трюбнером в декабре 1858 г. (с предисловием Герцена), но еще до того он послал отпечатанные листы книги Лиленду. В неопубликованном письме от 7 января 1859 г., хранящемся в архиве Пенсильванского исторического общества, Трюбнер просил Лиленда прислать экземпляр его статьи о “Записках”, сообщая, что издал две тысячи экземпляров, из которых 1600 уже разошлись.

⁷См. XII, 361–443 и 558–560.

У ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Сообщение И.В. П о р о х а

После окончания Крымской войны и заключения Парижского мирного договора (1856) установились нормальные дипломатические отношения России с европейскими государствами. Вскоре отменен был запрет на выезд за границу, и из России на Запад хлынул поток путешественников. По данным III Отделения в Европу в 1856 г. выехало 6032 человека, в 1858 г. – 17 243, в 1859 г. – 26 303, в 1860 г. – 70 044¹. До 1863 г. число путешественников все возрастало и возрастало.

20/8 июля 1857 г. Герцен писал И.С. Тургеневу: “Русских бывает бездна – военных и штатских, с усами и с бородой, – но все являются с поклоном в Путней” (XXVI, 106). В сентябре 1858 г. он сообщал М.К. Рейхель: “Количество русских таково, что я, наконец, должен был назначить два дня в неделю: *среду* и *воскр(есенье)* в три часа – для любезных незнакомцев” (Там же, 208).

Вспоминая в 1864 г. о бесчисленном количестве посетителей в предшествующие годы, Герцен в “Былом и думах” очень образно повествовал: “Ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда – в Путнее, Фуламе... ни постоянно закрытые двери по утрам – ничего не помогало. Мы были в моде. Кого и кого мы не видали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь, чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*, и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея” (XI, 297).

Были, конечно, и приятные визиты. Но немногие из тех, кто видел Герцена, оставили описания своих встреч с ним и Огаревым. Данное обстоятельство придает особое значение каждому рассказу лиц, побывавших в гостях у издателей “Колоко-